

с улыбкой мастерового.

А время прибавит фитиль
звездочета
и все начинается сначала -
кладутся на клавиши рыжие ноты,
белеет в углу одеяло.

На плечи с фанерами наперевес
задернута темная штора.
И скрипки горит поперечный
надрез
фигурою гипнотизера.

И тихую зыбку поправив в ведре
брусничными комарами,
усатые листья на толстом ковре
всю ночь набухают шарами.

И дела нам нет
до оставленных стен
и ветра оборванных ниток.
Солдат поумнее
сдается в плен
и больше не пишет открыток.

1956г.

*Имеется в виду цех поэтов
(прим. А.Сергеева)

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Я видел дом.
Он выползал.
Потом он старился годами.
Слезоточивые глаза
его украсили фундамент.

А рядом дерево бежит.
И той же верною тропою
идет мадонна и кричит,
махая лайковой рукою.

А по закрученным дворам
бредут разнеженно собаки
и предлагают шулерам
сентенцию о верном браке.

Кругом не видно ни души.
Одна ползучая аллея.
И умирают торгаши,
за кисеею костеня.

И там же я нашел свой след.
Он поперечнее и шире.
Но кто напишет мой портрет,
тому несчастье выйдет в мире.

Ведь за оградой резной,
за украшением одалисок
живет владелец закладной
и все заносит в черный список.

август 1956г.

ТОРЖЕСТВО

Мотаются белые ноги
с коленками наперевес.
Предутренние дороги,
песочной земли разрез.

Я вижу зеленые флаги,
наколотые на кору,
обрывки консервной бумаги
и поезд в далеком бору.

Кричит надоедливый поезд.
Камнями кидают в него.
И смотрит в осеннюю прорезь
соперник меня самого.

Кружатся янтарные окна.
Песчинкой разносится весть.
А он, надоедливо потный,
мечтает на лавочку сесть.

Ах, как по-разумному если б,
чтоб загодя все решено!
И так остается на кресле
кастрюльное это пятно.

август 1956г.

* * *

На корню дотлевают
свечевая подкладка листа.
И становятся окна
похожими на перепонку.
Кто-то выпалит в воздух.
Пустыми уйдут поезда.
Черно-белый петух
полетит, спотыкаясь, вдогонку.

А в аллее стучит перепрыга
веснушчатый черт.
И в оранжевой роще
осеннее дерево течет.

И ты входишь и видишь
на зеленом сукне одеяла -
пару выцветших глаз.
Или герб
от свечного накала.

* * *

Быть может, это хлопья летят -
умирая, тают среди громад.
А может, это рота солдат
на парашютах спускается в ад.

Ну что ж, таково назначение их
канта,
такова безграничная ночь над
Москвой.
И ясна авантюра того лейтенанта,
что падает вниз у окна моего.

Их деревья преисподней встречают
сверчками,
и последние черти им честь отдают.
И не видно огней. Только звезды
над нами
терпеливо построены в вечный
салют.

* * *

Вот форточка в мир,
где пространства, быть может,
немного побольше,
чем в вашей душе.
Вот форточка в мир,
где любимого ложе,
и сам ваш любимый
из папье-маше.

В наш век электричества, атома,
газа,
быть может, тогда и найдете
покой,
когда совместите картонную вазу
из этого мира с живою душой.

Вот ниточка в мир.
За нее поведите.
Колодец, предгорье, ночной
перевал.
Но знайте, что вам на пути вашей
нити
мешают границы, мешают обвал.

И если в конце опереточной сказки
увидишь, сравнив с дорогим
образцом,
что хоть волосок той искусственной
маски
не совпадает с ее лицом,

ну что ж, заверните ваш глупый
чертежик,
скажите: любимая, я не могу.
И после шагайте до усталости ножек
в глубоком, как смерть,
бесконечном снегу.

БЕЛОСНЕЖНЫЙ САД

А летят к небу гуси да кричат,
в красном небе гуси дикие кричат,
сами розовые, красные до пят.
А одна не гусыня -
белоснежный сад.

А внизу, сшибая гоп на галоп,
бьется Игоревая рать прямо в лоб.
Сами розовые, красные до пят,

бьются Игоревы войски
да кричат:
"У татраков оторвать да поймать.
Тртацких девок целоком полонять.
Тртачки розовые, красные до пят,
а тртацкая царица -
белоснежный сад."

Дорогой ты мой Ивашка-дурачок,
я еще с ума не спятил, но молчок.
Я пишу тебе сдалека, дорогой,
и скажу тебе, что мир сейчас
другой.
Я сижу порой на выставке один,
с древнерусския пишу стихи картин.
А в окошке от Москвы до
Костромы
все меняется, меняемся и мы.
Все краснеет, кровавеет все
подряд.
Но еще в душе белеет
белоснежный сад.

* * *

Лукреция-Ландскнехт
ее называл я порою.
Бидон вместо бедер скрывала ль
она под полою
иль мазала плечико розовым
маслом, бока,
но только казалась здорова она и
крепка.
До ног с головы отшлифована
сталью, как Зигфрид.
Она наводила порою на странные
мысли:
- Студентка ли это?
- Солдатским не двинется ль
маршем с носка?
Упруго пружины подняли головку
соска.

И мерно кивая
с надменной и гордой улыбкой
она занималась какой-то заморскою
читкой.
Склоняясь над книгой
с презреньем,
как рыцарь над стиркой,
она по-немецки шептала слова:
- О Зигфрид, ты слышишь -
Брунгильда жива!

ШВЕДСКИЙ ТУПИК

Парад не виден в Шведском тупике.
А то, что видно - все необычайно.
То человек повешен на крюке,
Овеянный какой-то смелой тайной.

То забывая бесконечный гол
В ворота, что стоят на
перекрестке,
По вечерам играют здесь в футбол
Какие-то огромные подростки.

Зимой же залит маленький каток.
И каждый может наблюдать
бесплатно,
Как тусклый лед
Виденья женских ног
Ломают непристойно,
Многократно.

Снежинки же здесь больше раза в
два
Людей обычных,
И больших и малых,
И кажется, что ваша голова
Так тяжела среди домов усталых,
Что хочется взглянуть в последний
раз
На небо в нише, белое, немое.
Как хорошо, что уж не режет глаз
Ненужное вам небо голубое.

* * *

Отражаясь в собственном ботинке,
я стою на грани тротуара.
Дождь.
Моя нога в суглинке,
как царица черная Тамара.

Зонтик раскрывается гранатой.
Вырастает водородный гриб.
В пар душа -
(как тяжела утрата).
В грязь кольцо -
должно быть, я погиб.

Но как странно -
там, где я все меньше,
где тускнеет черная слюда,
видеть самого себя умершим
в собственном ботинке иногда.

ЛЮБОВНИЦА ПАЛАЧА

Он работает где-то в
Москве.
Он работает где-то в
столице.
Он работает в МВД.
Он похож на хрупкую
птицу.

Меня мама
спрашивает часто.
Ничего не скажу о нем.
Он похож на воспитателя в
яслях.
Он работает палачом.

О, какая страшная читка
срамных знаний в его очах,
о, какая сладкая пытка
быть любовницей палача.

Вот вокруг меня застыли
фигуры.
На одной из подмосковных
дач,
словно воздух на венском
стуле,
задремал, загрустил палач.

Быстрый ветер рассеял тучи
огневых, золотых партэр.
Он сидит, он как бог, только
лучше.
Он воздушен как солитер.

Я тела его не ощущаю.
Поцелуй как соленый грибок.
Одному ему разрешаю.
Только он завладеет мною
мог.

Я лежу в постели крича.
Он секет. Я раздета до
нитки.
О, какая сладкая пытка
быть любовницей палача.

Я лежу в постели одна.
Ветер студит мои колеса.
Тяжек запах, ни мужа, ни
песа.
Я одна в темноте, одна.

* * *

Кто не хочет блеснуть -
высоко подымается дым,
глядя на это быть летчиками
хочется молодым,
но я стараюсь шагать
такой теневой стороной,
чтоб в сумерках Богом стать
с длинной как дым рукой.
Из дерева щели в небе,
ловя необычных крыс,
бледной личинкой летчика
выхватив бросить вниз,
а девкам задрать
пространство
с голых колен на грудь -
Боже, как сладко, радостно
второй головой блеснуть.

* * *

О, Весна!
Это верно ты.
Это ты, моя дорогая.
Будем жить, себе песни
слагая,
и друг другу дарить цветы.

Вот цветок магазинной
обновки,
вот цветок золотистой
головки,
хризантемы неяркий росток
и зеленый военный цветок.

Говорите, хотите про это,
про несчастья военного лета,
про цветы обожженных рук,
но я слышу железный звук:
вырос черный цветок
пистолета.

И когда подойдет мой срок,
как любимой не всякий
любовник
Замечательный красный
шиповник
Приколю я себе на висок.